

Глава 24

Цзянь Хуай стоял у окна, зажав в пальцах дымящуюся сигарету.

Снаружи небо затянуло черной пеленой, сеял мелкий дождик. Несколько капель залетело внутрь — они коснулись его лица, обдав кожу мимолетным холодом.

Юноша безучастно смотрел вдаль, на утопающий в сумерках двор с красными крышами. Там, среди всполохов огней, кипела жизнь; казалось, даже отсюда можно было слышать доносящийся оттуда приглушенный шум.

Накануне, когда они лежали в постели, Цзянь Хуай слушал речи Цзяи, ни о чем особо не задумываясь.

В какой-то момент он вдруг перекатился и сел на колени любовника. На бледную кожу градом катился пот; в отрешенном выражении лица сквозило пугающее, почти порочное искушение. Цзянь Хуай медленно моргнул, в упор глядя на мужчину синим, как глубокое море, взглядом.

Проведя кончиками пальцев по щеке Цзяи, он коснулся уголка его губ и, наклонившись к самому уху, прошептал:

— Я хочу жениться на тебе. В течение двух дней.

Он на мгновение замолк, а затем добавил:

— Если не получится — я передумаю.

Голос его звучал так тихо и бесстрастно, что, казалось, дунь ветер — и слова улетучатся, не оставив следа.

— Правда?.. — Цзяи вскинулся, не веря собственным ушам.

Он не видел лица Цзянь Хуая, лишь слышал этот вкрадчивый шепот и чувствовал его легкое дыхание.

Тот был так близко, что мягкий пушок на его щеке задевал кожу Цзяи. От этой близости сердце мужчины пустилось вскачь, гулко ударяя в ребра, словно набат.

— М-м.

Цзянь Хуай ответил коротким горловым звуком — в нем слышалась привычная холодность и

едва уловимая нега, заставившая кровь Цзяи забурлить.

Цзяи в порыве чувств сгреб юношу в охапку, прижимая к себе с такой силой, будто хотел утопить его в собственных объятиях.

— Хорошо, — выдохнул он, целуя макушку любимого.

***

Сейчас на Цзянь Хуае была белая рубашка с высоким воротом. Каждая пуговица была застегнута с безупречной аккуратностью. Плотная ткань облегла стройную шею, отчего линия челюсти казалась еще более острой и хрупкой. Черные брюки подчеркивали длину и изящество его ног, а из-под штанин виднелись босые ступни — бледные, почти прозрачные.

Он стоял на мягком ковре из белого меха норки, неподвижный и прямой.

Тусклый свет лампы ложился на его плечи, отбрасывая на пол длинную, изломанную тень. В том, как он равнодушно курил, глядя в пустоту, читалась какая-то болезненная отрешенность и аскетичное целомудрие.

На фаланге его изящного пальца тускло поблескивало янтарное кольцо — подарок Цзяи. Юноша держал тонкую сигарету, делая редкие затяжки. Его бледные губы были испещрены мелкими ранками, словно он в волнении кусал их до крови.

Сквозь плывущие облака сизого дыма черты его лица казались размытыми, а сам силуэт — зыбким и призрачным.

Цзяи, привалившись к дверному косяку, уже долгое время заворуженно наблюдал за ним.

Наконец он бесшумно подошел, забрал сигарету из пальцев Цзянь Хуая и, зажав ее в зубах, сделал глубокую затяжку, после чего тут же затушил ее прямо о ладонь.

— Я только что говорил с дворецким. Сегодня ты куришь слишком много, да и детоксикационный отвар не пил, — Цзяи небрежно выбросил окурок в окно и убрал прядь волос со лба юноши. — Раз ты такой непослушный, придется тебя наказать.

Цзянь Хуай, казалось, ничуть не удивился его появлению.

Не оборачиваясь, он продолжал смотреть вдаль и лишь небрежно бросил:

— И как же ты меня накажешь?

Цзяи негромко рассмеялся. Склонившись, он коснулся жаркими губами лба юноши, затем взял его за руку и запечатлел поцелуй на янтарном камне кольца.

— Твое наказание — ни на шаг не выходить из поля моего зрения. С этого дня тебе от меня не отделаться.

— Согласен? — добавил он.

Цзянь Хуай промолчал.

Цзяи это не задело. Радость от предстоящей свадьбы затуманила ему разум. Ему было плевать на холодность партнера, он обожал даже его капризную изменчивость.

Мужчина обхватил его сзади, заключая в кольцо рук. Цзянь Хуай спиной чувствовал исходящий от него жар.

Цзяи сжал его ладони в своих.

— Руки все такие же ледяные, — он уткнулся лицом в плечо юноши. — Снова долго стоял на сквозняке?

Он принялся растирать его пальцы, пытаясь согреть.

— На что ты смотришь?.. — Цзяи проследил за его взглядом и хрипло, искушающе усмехнулся: — На наш будущий дом, да?

— Может быть... — отозвался Цзянь Хуай.

На самом деле он и сам не знал, куда смотрит.

Мир был огромен и в то же время пуст. Были те, кто любил его и заботливо растил. Был любовник, который жаждал близости, но с которым он вот-вот расстанется.

На всей этой огромной земле, казалось, не нашлось места, где он мог бы обрести покой. Будто он — некое порочное существо, чья аура оскверняет этот мир.

Цзяи, не размыкая объятий, прижался щекой к его спине.

— Ты смотришь именно туда, — прошептал он, глядя на мерцающие огни поместья. — Там уже готовят наш праздник. Завтра я верхом приеду за своим сокровищем и заберу тебя в дом, который я обустроил только для нас. Мы будем жить там вместе и больше никогда не

разлучимся...

Цзянь Хуай слушал эти восторженные речи о будущем и лишь безмолвно, горько улыбнулся.

Цзяи, не дождавшись ответа, просто продолжал стоять рядом, наслаждаясь моментом.

Спустя какое-то время мужчина поцеловал холодные пальцы юноши.

— Я принес свадебные наряды, которые выбирал сам. Пойдем, посмотришь.

Он подвел его к кровати.

— Помнишь, я спрашивал, что тебе по душе — Восточные Земли или Западные? Ты сказал, что тебе все равно. Поэтому я подготовил оба варианта. Выбери, какой больше нравится.

Он коснулся лица Цзянь Хуая.

— Если бы не такая спешка, я бы заказал для тебя самый роскошный наряд в мире. Но я не смел медлить. Боялся, что ты передумаешь... мне хотелось обвенчаться с тобой сию же секунду.

Цзянь Хуай послушно замер, пока Цзяи осыпал его лицо поцелуями.

Когда тот наконец угомонился, юноша высвободил руку и подошел к постели.

На покрывале лежало четыре комплекта одежды.

— Белый свадебный наряд Западных Земель — чистый и благородный, — Цзяи с улыбкой наблюдал, как Цзянь Хуай касается изящного воротника. — И алый свадебный наряд Восточных Земель — роскошный.

Цзяи прислонился к стене, глядя на любовника сияющим зеленым взглядом. Цзянь Хуай поднял тяжелое красное одеяние, расшитое золотыми нитями. На ткани красовались два переплетенных дракона, парящих среди облаков.

Стоило ткани шевельнуться, как нити вспыхнули радужными переливами, а драгоценные камни, заменявшие драконам глаза, блеснули так ярко, словно звери ожили.

— Нравится? — спросил Цзяи. — В чем хочешь быть завтра?

Цзянь Хуай опустил голову, пряча взгляд за упавшими на лицо прядями.

— Очень нравится, — он медленно положил наряд на место и, выпрямившись, вдруг слабо улыбнулся: — Хочешь... я примерю его для тебя прямо сейчас?

Цзяи опешил.

— Нет, нельзя. Это на завтра. Примерять свадебный наряд раньше срока — плохая примета. Я не хочу рисковать.

Это был первый раз, когда он ответил отказом на просьбу Цзянь Хуая.

Юноша прищурился, его взгляд сквозь длинные ресницы стал затуманенным.

— Ничего страшного, — мягко проговорил он. — Завтра я надену белое. Но этот алый наряд так прекрасен, мне жаль, что он останется невостребованным. Позволь мне показать его тебе сегодня.

Он чуть склонил голову набок и слизнул капельку влаги с сухих губ.

— Так будет казаться... будто мы женимся дважды. Разве это плохо?

Цзяи замороженно следил за его языком, скользнувшим по содранной коже губ. Блеск влаги на алых ранках сводил его с ума. Мужчина сглотнул, его взгляд потемнел от вожделения.

Сдерживая порыв, он с силой стиснул зубы и, молча подойдя к кровати, забрал два белых комплекта, чтобы убрать их в шкаф.

Когда он обернулся, Цзянь Хуай уже расстегивал пуговицы рубашки. Ткань распахнулась, обнажая бледную кожу.

Цзяи почувствовал, как кулаки невольно сжимаются. Юноша повернулся спиной и наклонился за алым одеянием. Контраст между мертвенно-бледными пальцами и ярко-красным шелком был ослепляющим.

Дыхание Цзяи стало тяжелым, он смотрел на него взглядом хищника, почуявшего добычу.

Острые лопатки на спине Цзянь Хуая казались крыльями раненой птицы — прекрасными и пугающе хрупкими. На светлой коже еще виднелись следы прошлых ласк, дразня и лишая остатков самообладания.

Желтый свет ламп мягко обволакивал его фигуру. Он был невыносимо прекрасен.

Пальцы Цзяи дрогнули. Он сам подошел к юноше и помог ему надеть этот огненный наряд, прикрывая шелком кожу, подобную теплому нефриту.

В этом образе сочетались ледяное безразличие и кричащая чувственность. Это было ненормально, но это сводило с ума.

Цзянь Хуай, чувствуя на себе этот тяжелый, почти плотоядный взгляд, не выказал и тени страха. Он лишь улыбнулся и носком босой ноги отбросил старую одежду в сторону.

Цзяи перевел взгляд на его тонкие щиколотки. Там еще остались едва заметные синяки от пальцев — напоминание о вчерашней страсти.

В голове замелькали несвязные, яростные образы. Его грудь ходила ходуном. Он хотел поглотить этого человека, растворить его в себе, чтобы их плоть и кровь стали единым целым.

Цзянь Хуай видел его состояние.

Он развернулся — алое кимоно сидело на нем небрежно, широкий пояс, расшитый золотом и жемчугом, едва удерживался на его исхудавшей талии. Воротник смялся, открывая взору бледную грудь и глубокие впадины ключиц.

В синих глазах Цзянь Хуая отражалось искаженное страстью лицо Цзяи — вздувшиеся вены на лбу, зрачки, поглотившие радужку, оскаленные зубы.

Но юноша не дрогнул. Он подошел вплотную, шелестя красным шелком. Коснувшись груди мужчины, он почувствовал, как под тонкой тканью рубашки бешено колотится сердце, а мышцы буквально плавятся от жара. Его длинные пальцы уверенно легли на пуговицы Цзяи.

— Цзяи... — Цзянь Хуай едва заметно улыбнулся. — Мой верный пес. Ты ведь любишь меня?

— Люблю! — прохрипел Цзяи, глядя на прекрасного демона, играющего его душой. — Я всегда любил тебя, ты же знаешь!

— Как чудесно, — вздохнул юноша. — Мне бы тоже хотелось узнать, каково это — любить. Должно быть, это прекрасное чувство.

Он коснулся щеки Цзяи.

— Я тоже хочу полюбить тебя.

Цзяи замер, не смея пошевелиться. Его взгляд, словно огненный язык, лизал белую шею юноши, скользил по черным прядям волос.

Его руки легли на талию Цзянь Хуая, ощущая холодную гладкость дорогого шелка. Тело юноши всегда оставалось прохладным, даже в самые жаркие моменты.

Взгляд Цзяи стал совсем тяжелым.

Он вспомнил, что только в моменты их близости эта мертвенная бледность сменялась живым румянцем, а лицо Цзянь Хуая озарялось вспышкой жизни.

Цзянь Хуай прекрасно понимал, что творится с его телом.

— Тш-ш... — прошептал он. — Будь паинькой, хорошо?

Он похлопал его по животу, игнорируя явное возбуждение мужчины.

Совершенно буднично он раздел Цзяи и помог ему облачиться в свадебные одежды. Яркий красный наряд подчеркнул мощь его плеч и рельеф мышц.

Цзянь Хуай затянул пояс на талии Цзяи, сделал шаг назад и опустился на мягкую постель.

Слой за слоем белое и золотое белье оказалось примято под его телом.

Юноша вскинул подбородок. Его лицо, одаренное божественной красотой, было обращено к Цзяи. В ледяных глазах застыло отражение любовника.

Он взял грубую ладонь мужчины в свою, переплетая пальцы.

Цзяи повиновался, позволяя повалить себя на кровать.

Затаив дыхание, он смотрел на возвышающегося над ним Цзянь Хуая.

— Пусть это будет наша первая брачная ночь, — произнес тот.

Лицо юноши залил румянец.

Его глаза подернулись влагой, он смотрел куда-то вверх, в мерцающую пустоту, которая, казалось, начала светиться.

Цзяи стоял перед ним на коленях, словно цепной пес перед хозяином — его безумие сменилось покорностью и нежностью.

Цзянь Хуай перебирал его волосы. Коричневые, чуть вьющиеся пряди, которые обычно выглядели буйными и дикими, сейчас, влажные от пота, казались мягкими и послушными под его ладонью.

Цзянь Хуай вдруг коротко рассмеялся — так тихо, что звук услышал лишь он сам.

Он потерянным взглядом смотрел на пляшущее пламя свечей.

Алый шелк разметался по постели, подчеркивая дерзкую красоту юноши.

В ту ночь два ярко-красных наряда познали всю силу их исступленной страсти.

***

Утренний ветерок ворвался в комнату вместе с первыми лучами солнца, разбудив Цзянь Хуая.

Почувствовав знакомый аромат цветов, он открыл глаза. Юноша сел, и шелковое одеяло соскользнуло с его плеч.

Красных одежд нигде не было.

На краю кровати лежал изысканный халат, а рядом — прекрасная алая роза. На ее лепестках еще дрожала роса, а под стеблем белел листок бумаги.

«Мой Цзянь Хуай, любовь моя, сегодня мы станем единым целым.

Я навсегда останусь твоим верным Цзяи, твоим единственным псом, который никогда не предаст и не покинет тебя.

Ты сказал, что хочешь полюбить меня.

Не страшно, если ты не сможешь ответить на мои чувства.

Я люблю тебя и хочу лишь твоего счастья.

Молю лишь об одном — позволь мне быть рядом и скрашивать твои долгие, одинокие годы.

Куда бы ты ни отправился, я последую за тобой.

Твой Цзяи».

Накинув мягкий дорогой халат, Цзянь Хуай взял письмо.

Он внимательно перечитал каждое слово, а затем аккуратно сложил листок.

— Но ведь... — он зажег табак Юньси. — Нам осталось быть вместе всего полдня...

Он сделал глубокую затяжку, глядя на яркий огонек. Выпустив облако дыма, он поднес край письма к огню и смотрел, как бумага, пропитанная признаниями в любви, превращается в пепел.

Затем он разжал пальцы, и серые хлопья разлетелись по ветру.

Вскоре прибыли слуги, присланные Цзяи.

Они принесли изысканный завтрак, помогли ему надеть белоснежный костюм и уложили его темные волосы.

Цзянь Хуай смотрел в зеркало. Волосы были гладко зачесаны назад, открывая высокий лоб. Он вгляделся в собственное отражение, придвинувшись ближе.

Прижав ладонь к холодному стеклу, он изучал черты своего лица, которые вдруг показались ему чужими. В глазах плескались такая тоска и невысказанное горе, что игнорировать их было невозможно.

— Долгих лет не будет... — едва слышно прошептал он своему отражению.

Все поместье преобразилось. Повсюду вились гирлянды из роз и густой зелени.

Дом, прежде казавшийся пустым и мертвым, наполнился голосами, цветочным ароматом и жизнью. Цзянь Хуай медленно спускался по винтовой лестнице под звуки музыки.

Зазвучало пианино — ноты сплетались в мягкую, теплую мелодию, полную радости и торжества.

«А пианист-то у Цзяи посредственный», — невольно подумал Цзянь Хуай, глядя себе под ноги.

Он и не заметил, как на его губах промелькнула тень улыбки.

Когда он вышел к гостям, рослый мужчина в таком же белом костюме, сидевший за роялем спиной к нему, взял последний аккорд.

Цзяи поднялся, взял огромный букет алых роз и торжественно подошел к юноше. Опустившись на одно колено, он произнес:

— Я люблю тебя. Я сделаю тебя счастливым. Пусть я не заменю любовь господина Кеннета и госпожи Лилиан, но я отдам тебе вдвое больше тепла. Я отдаю тебе свое сердце.

На лице Цзяи сияла улыбка. В его зеленых глазах отражалось почти детское, чистое счастье. Его голос, хриплый и дрожащий от волнения, прозвучал как нерушимая клятва:

— Отныне ты мой властелин, ты — всё для меня.

Цзянь Хуай смотрел на этого мужчину, что склонился перед ним в смирении, протягивая алые, как кровь, цветы. Глядя в глаза, полные обожания, юноша сжал губы и тихо проговорил:

— Я не твой властелин.

В его взгляде впервые промелькнула нескрываемая нежность.

— Я твой любимый.

<http://bllate.org/book/17462/1696456>